

Гофштейн

Михаил Александрович
1923-2009

Член Московской областной коллегии адвокатов с 1952 г.
по 2009 г.

Место рождения: Белорусская ССР, Могилевская область,
г. Могилев

Звание: Старший лейтенант, в РККА с 06. 1941 года

Орден Красной Звезды

Фронтовой приказ
№ 18/н от 25.05.1945 г.

Орден Отечественной
войны II степени

Фронтовой приказ
№ 02/н от 19.01.1944 г.

Медаль
«За боевые заслуги»

Фронтовой приказ
№ 060/н от 08.03.1943 г.

СЛОВО О СВЕТЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ

А.И. Краснокутская,
адвокат Московской областной
коллегии адвокатов,
лауреат Золотой медали
им. Ф.Н. Плевако,
Заслуженный юрист РФ

Когда в августе далёкого 1957 года я после университета пришла в президиум Московской областной коллегии адвокатов устраиваться по госраспределению на стажировку, то сразу, конечно, обратила внимание и на Михаила Александровича Гофштейна.

Человек небольшого роста с крупной «сократовской» головой был подтянутым и собранным, он умел внимательно слушать, и почему-то ещё до его собственных фраз быстро возникало ощущение серьёзности и значительности его личности. В общем, уже тогда слова Гофштейна коллегии становились синонимами...

В дружеских беседах в полной мере раскрывалась необыкновенная эрудиция Михаила Александровича, его глубокое знание литературы, философии, живописи. Любимым его поэтом был Борис Пастернак, не самый, мягко говоря, простой автор, однако в исполнении Михаила Александровича он становился близким и понятным.

Особая тема в таких разговорах – война. Она стала самым главным и самым трагичным событием в его жизни. Он много рассказывал о её горестях, об адских условиях, в которых воевали. Запомнился один его афоризм о том времени: «Война – это когда писем с фронта ждут, но боятся их получить».

«Сколько же осталось там моих друзей, с несбывшимися надеждами, не долюбивших!» – часто повторял он. Вместе с тем он неожиданно называл Великую Отечественную самым светлым временем для его поколения. Ведь на войне особая обнажённая любовь к добру и особая жгучая ненависть к злу, к смерти.

Наверное, так мыслить может только светлый человек, каким и был в полной мере Михаил Александрович. День Победы всегда был для него особым днём.

Для меня Михаил Александрович Гофштейн остался одним из символов того фронтового поколения, которое научилось и любить, и верить, и ненавидеть, и отрицать, смеяться и плакать. Оно научилось ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни и становится обыденным. Его же поколение и он научились ненавидеть фальшь, трусость, ложь, равнодушие, от которых один шаг до предательства. Светлая память этому светлому человеку!

И ЭТО ВСЁ О НЕМ...

Александр Блиндер
“ЛЕХАИМ”, Октябрь 2005

Собеседником моим был человек именитый. Президент Федерального союза адвокатов России А. П. Галоганов именовал его не иначе как одним из мэтров отечественной адвокатуры. Михаил Александрович Гофштейн в преклонные свои годы всё еще занимает ответственные посты в разных федеральных и региональных юридических учреждениях. Беседа с ним, предлагаемая читателям, воспроизводит лишь отдельные вехи жизненного пути этого незаурядного человека.

– Любая дорога начинается с первого шага. Михаил Александрович, расскажите немного о своих детских годах: они ведь, как известно, накладывают отпечаток на формирование человека.

– Попробую. На мой взгляд, сетовать на судьбу мне грешно. Как-то так получилось, что фортуна вела меня с самого детства праведной дорогой. Коренной москвич, я воспитывался в семье, которая изначально полагала, что, кроме отличных оценок, никаких других в учебе у меня быть не должно. Помню, как переживали родители, когда я принес из школы целых два «хорошо». Пришлось уже через неделю им в утешение принести по этим предметам «отлично».

Вообще приходилось постоянно «соответствовать». Потому и школу окончил с аттестатом отличника.

По настоянию матери, помнится, заучивал наизусть классические поэмы. Целиком. Потом «с

выражением» декламировал их родителям и гостям, что, видно, предопределило любовь к сцене. С удовольствием участвовал в школьной художественной самодеятельности, в разного рода районных конкурсах чтецов-декламаторов. Увлечение сценой неожиданно привело меня даже в Кремль, где на торжественном заседании, посвященном очередной знаменательной дате, выступали «юные дарования».

Не позабыл я и то выступление в кремлевском зале, которое осчастливил своим присутствием «великий вождь и учитель». Через несколько дней в какой-то центральной газете была опубликована фотография, запечатлевшая торжественное действо и, в частности, ребятишек. В качестве поощрения нас, юных декламаторов, записали в Дом пионеров, где в студии художественного чтения с нами занималась Мария Гавриловна Бовшек. Та самая, у которой учился Яхонтов.

Тогда же меня пригласили в Центральный детский театр, которым руководила знаменитая Наталья Ильинична Сац. Мне довелось несколько раз побывать у нее дома. «Тебе, Миша, непременно надо продолжать учебу, не оставляя сцену. Есть у тебя задатки», – напутствовала она меня. Помню, как переживал я арест Натальи Ильиничны. Много лет пришлось провести ейза колючей проволокой, пока не реабилитировали...

Школьное увлечение сценой, казалось, предопределило будущее. Но в старших классах мною овладело совершенно необъяснимое желание пойти на военную службу. Родители категорически возражали. Считали, что я могу стать артистом. Но я настоял на своем: мол, в училище меня направляет «руководство».

– Михаил Александрович, судя по многочисленным воинским наградам, о войне вы

знаете не понаслышке. Уверен, воспоминаний у вас немало...

– Это истинная правда. На фронт я попал в марте 1942-го, после окончания ускоренного курса Московского краснознаменного артиллерийского училища. Во время войны оно называлось гвардейским минометно-артиллерийским.

Первая батарея «катюш» (установок залпового огня) приняла участие в боях уже в июле 1941-го. Но мы, курсанты, конечно, тогда еще не знали, что это такое, хотя и видели во дворе училища зачехленные стволы. Близко к ним никого в то время не подпускали. Мое первое знакомство с «катюшами» состоялось на московской Ходынке. Там нам дали первые уроки управления ими. Оказалось, это проще, чем мы предполагали. Овладев новым оружием, мы выехали в Серебряный Бор: там была наша огневая позиция на случай прорыва немцев к Москве. К счастью, этого не случилось, и мы вернулись доучиваться.

Непосредственно в военных действиях я участвовал в составе 8-го гвардейского минометно-артиллерийского дивизиона «катюш». Помню, загрузились мы по дороге на фронт на станции Долгоруково и поехали в направлении Клинца. Боевым крещением стала страшная бомбардировка при разгрузке. Видно, немцы что-то прознали о нашем передвижении. Казалось, вздыбилась вся земля окрест. Ко мне подбежал комдив: «Немедленно убрать все машины со станции! Немедленно! Вон в тот лес!» И хотя трудно было даже голову поднять – убрали, вывели. Там и переждали бомбежку.

Начались бесконечные скитания по лесам. Я по-мальчишески ждал: когда же начнем стрелять? Этот день наступил 12 июля 1942-го.

Отстрелявшись, машины под бомбежкой на предельной скорости мчались по раздолбанной дороге на новую позицию. Бомбы рвались впереди и сзади, казалось, каждая нацелена именно на тебя. В бешеной скачке я на миг приподнялся с сиденья – убедиться, что задние машины идут за нами. И тут очередной взрыв вблизи! Воздушный смерч сорвал с головы фуражку и выбросил ее на обочину. Водитель вопросительно глянул на меня. «Вперед! – прокричал я. – Вперед!»

И тут вижу: остановилась следовавшая за нами машина. Вышел командир орудия, не спеша, не обращая внимания на рвущиеся рядом бомбы, нагнулся, поднял фуражку, отряхнул с нее комья земли и вернулся в кабину.

Пустяк? Мелкий незначительный факт? Как бы не так. Я с его помощью целую философию выстроил. Урок мне был преподан самый что ни на есть наглядный. В любых обстоятельствах офицер обязан сохранять спокойствие.

Сохранился в памяти удивительный случай. То было 17 декабря 1943 года. Тогда я уже командовал гвардейской батареей «катюш» в составе 5-й гвардейской танковой армии. Мы с комдивизиона подошли к сараю, где находилась рация. Внезапно воздух сотряс оглушительный взрыв. Оказалось, прямо на то место, где мы находились, сбросил бомбу немецкий самолет типа нашего У-2. У него был бесшумный полет. Меня оглушило, ослепило, но, представьте, – ни царапины на теле. Разве только вот осколком располосовало полущубок. Погиб командир дивизиона, получили ранения еще несколько солдат. Таковы превратности судьбы...

Еще один эпизод. Было это на Украине, в районе Кировограда, близ узловой станции Знаменка. Немцы там так прочно закрепились,

что наши танки вынуждены были стать на прикол. Приостановилось наступление армии. И командование поставило задачу, выполнение которой было сопряжено с небывалым риском. В Знаменке находились огромные немецкие склады боеприпасов и оружия. Поразить их огнем наших реактивных снарядов с позиций у передовой не могли – не доставали. Оставалась лишь возможность ударить по этим складам со стороны немецких тылов. Для этого надо было переправить наши «катюши» через линию фронта. Но как? Начальник инженерной службы армии предложил план.

Между двумя деревнями на переднем крае было замерзшее, сплошь заминированное болото. Командарм приказал сделать проходы через минное поле и переправить одну батарею «катюш» в немецкий тыл. Выбор пал на батарею, которой командовал я.

По ту сторону передовой действовали наши партизаны. Они готовы были, по данным разведки, оказать нам возможную помощь.

Батарея выехала. Однако противник встретил нас таким массированным огнем, что до ночи о движении и думать было нельзя. Немцы ведь, как известно, отличаются педантизмом. И на фронте они придерживались правила: ночь – для сна. Когда огонь поутих, мы направили машины к месту прохода. Там батарею уже поджидали саперы. И наши машины, двигаясь со скоростью катафалка, благополучно достигли назначенного места.

Необычность этого рейда была очевидна всем. Никогда, ни на минуту не задерживались мы на позиции, с которой вели огонь. Противник вел за «катюшами» постоянную охоту. Захват же нашего грозного оружия был чреват неисчислимыми

бедами. Для всех. А тут такое – сами пожаловали во вражеский тыл. Но сработал тщательно разработанный план, расписанный по минутам. И всё удалось наилучшим образом. То была операция, достойная изучения в военных академиях.

Два залпа дали по Знаменке. С ужасающей силой там начали рваться боеприпасы на складах, в небо взметнулось пламя пожара. Следующие два залпа завершили операцию. Меня наградили орденом Отечественной войны, чем немало горжусь.

– У вас есть и другие боевые награды?

– Сначала дали медаль «За боевые заслуги». За взятие Харькова. Представлен был к ордену Красной Звезды. Но к тому времени город опять сдали, и достоинство наград всем, представленным к награждению, снизили. Потом наградили орденом Красной Звезды и еще одним орденом Отечественной войны. Войну закончил под германским городом Штеттин в звании капитана.

– Не успел, кажется, оглянуться, – говорит мой собеседник, – а отсчитано уже более полувека работы в адвокатуре...

С институтских времен юриспруденция стала моей судьбой, самой жизнью. Отдавал ей себя полностью и без остатка.

Это и в самом деле так. То же рассказывали мне многие коллеги М. Гофштейна. Некоторые определяли его отношение к избранной профессии словом «одержимость».

Мне довелось встретиться с бывшей студенткой Московского юридического института, где М. А. учился после войны, с Ниной Михайловной Роговой.

– О, Миша был необыкновенно способным

студентом, – услышал я. – Любимцем и учащихся, и преподавателей. В нем мы все признавали лидера. За редкую принципиальность, за честность. Избрали его редактором общеинститутской газеты. Она стала настолько популярной, что ей могли позавидовать солидные печатные издания того времени. К нему в редколлегию пришли люди, чьи имена позже узнала страна.

Помню, ходило в нашем институте шутивное присловье: «Не говори “Гоф”, пока не скажешь “Штейн” (“штейн” по-немецки – “камень, твердь”)». Смысл вкладывали такой: не употребляй имя Гофштейна, если не уверен в том, что утверждаешь.

– Поговорим о вашей адвокатской деятельности...

– Хотите, расскажу о деле болгарского гражданина Сергея Антонова? Его обвинили в покушении на Папу Римского Иоанна Павла II. Об этом «преступлении века» сообщали все газеты мира. Турецкий террорист Агджа, задержанный на месте, дал показания об участии в покушении на папу болгарских граждан. Стали говорить и о причастности наших спецслужб к этому гнусному делу.

В Москве был создан национальный комитет в защиту Сергея Антонова.

«Стержнем» комитета стала рабочая группа из специалистов в области уголовного права. В ее составе был и я – кстати, единственный адвокат. Уголовно-процессуальные нормы Италии исключали участие в процессе иностранных адвокатов. Работать пришлось в Софии. В болгарский МИД, где мы трудились, из Рима ежедневно поступала стенограмма состоявшегося накануне судебного заседания. В тот же

день болгарская группа посылала из Софии рекомендации итальянским адвокатам. Мне поручили составлять еженедельные информации о ходе процесса. Они докладывались политическому руководству СССР.

О масштабах этого дела говорит хотя бы то, что обвинительное заключение было изложено на тысяче листов.

Понемногу выяснилось, что адвокаты, защищавшие Антонова в суде, оказались не слишком серьезными профессионалами. Помнится, глава болгарского правительства Тодор Живков, узнав об ошибках защитников, схватился за голову. Тут же обратился к нам – помогите!

Мы напрягли все свои силы. Благо (весьма, правда, сложными путями) мне удалось привлечь внимание суда к одному обстоятельству, позволившему неопровержимо доказать алиби Антонова. В противном случае отрицательные последствия процесса, по мнению нашей группы, трудно было бы переоценить.

Повторяю: дело было крайне сложным. Достаточно сказать, что террориста Агджу, приговоренного впоследствии к пожизненному лишению свободы, допрашивали 93 раза; 103 раза он изменял данные ранее показания. Мой личный вклад в борьбу за оправдательный приговор заключался в реализации идей, которые были сформулированы мною на разных стадиях судебного процесса*.

Еще одно надолго запомнившееся дело. Ко мне обратилась жительница подмосковного поселка Мария Бахирева (имя и фамилия изменены. – Ред.). Ее обвинили в убийстве новорожденного ребенка. Женщина утверждала, что никакой вины на ней нет, хотя труп обнаружили под полом квартиры. Бахирева не отрицала, что рожала

дома. У нее было трое детей, воспитывала она их одна.

В ту пору аборт у нас были запрещены, да и спохватилась Мария слишком поздно. Едва начались родовые схватки, она, по ее словам, схватила со стола ножницы, чтобы перерезать пуповину, и забралась на горячую деревенскую печь. Когда выходил плод, потеряла сознание. Потом на мгновение очнулась, перерезала пуповину и тут же вновь впала в забытие. Придя в себя, увидела, что ребенок мертв. Очень испугалась и спрятала труп под полом.

Заподозрив неладное, соседи сообщили в милицию. Так нашли тело ребенка. Началось следствие. В протоколе допроса указывалось, что ребенок либо истек кровью, либо мать его задушила. Поскольку Бахиреву обвиняли в умышленном убийстве, главным был вопрос: в каком состоянии ребенок появился на свет – живым или мертвым?

86 Как велит закон, сделали легочную пробу, обычную в таких случаях. Если ребенок мертв, его легкие не всплывают на поверхность воды. Не всплыли. Вывод следствия – убийство. Так ли это? Пришлось надолго засесть в библиотеку. Перелопатил груды юридической литературы, медицинских справочников. И вот она, удача! Отыскал заключение ученых по аналогичному факту, оно стало решающим в судьбе моей подзащитной.

Дело в том, что легочную пробу ни в коем случае нельзя было делать на разложившемся трупе (а он пролежал в земле более двух недель). Несостоятельность обвинения была подтверждена еще одним аргументом: в местной поликлинике мне выдали справку, что обвиняемая неоднократно обращалась туда по поводу острой

сердечной недостаточности. Стало быть, потеря сознания при родах была вполне вероятной.

Суд оправдал Бахиреву, и вышестоящая инстанция оставила приговор в силе.

– Михаил Александрович, может, припомните еще какое-либо интересное дело? А заодно скажите, как часто удавалось вам выигрывать дела по обвинению в убийстве?

– Доля таких дел в моей практике составляет примерно 75–80 процентов. Люблю принимать на себя защиту на стадии кассационного рассмотрения в судах второй инстанции. Там нагляднее просматриваются все огрехи следствия и суда. Я провел более десятка дел со смертными приговорами, и только по двум из них приговоры, вынесенные судами первой инстанции, оставлены в силе.

Вот еще один сюжет. Муж с женой мирно спали в своей квартире. Какой-то сукин сын проник туда через окно. Женщина проснулась, вскрикнула. Преступник тут же нанес ей удар ножом (не смертельный), а потом покончил с ее супругом. Прихватив деньги и ценности, удрал.

Через некоторое время схватили какого-то человека и показали его женщине. Та опознала в нем преступника, сказала, что тот был такого же роста, тоже в калошах, подвязанных веревками, и тоже в плащ-палатке. Человека предали суду. Ему грозила смертная казнь. В суде он говорил: «Посмотрите, у нас полдеревни ходит в таких калошах, и в плащ-палатках многие ходят» (это были послевоенные годы). Суд направил дело на следствие.

Нашли еще одного подозреваемого. Снова опознание, и снова женщина признала убийцу. Первого выпустили, второго приговорили к смертной казни. В Верховном суде я говорил:

как же так, женщина указала на одного, потом на другого, но при этом не сообщила ни одной серьезной улики. Плащ-палатка, калоши... Между тем по времени совершения убийства и ограбления выходило, что мой подзащитный имел неопровержимое алиби. В деле были и другие несоответствия.

Верховный суд отменил решение, направил дело на новое рассмотрение. Опять смертная казнь! И всё-таки в финале – оправдательный приговор за недоказанность состава преступления.

...Не так давно Михаил Александрович Гофштейн, фронтовик, заслуженный юрист республики, почетный адвокат Российской Федерации, вице-президент Международного содружества адвокатов и Московской областной палаты адвокатов, кавалер Золотой медали имени Плевако, отметил свой юбилей. На торжестве, устроенном по этому случаю, понятное дело, прозвучало множество самых сердечных слов и добрых пожеланий...

* Плодотворное участие М. А. Гофштейна в деле о покушении на Иоанна Павла II было позже отмечено высокими болгарскими наградами – орденом Кирилла и Мефодия II степени и Золотым знаком «Почетный юрист Болгарии».

Наградной лист.

№ 1252

1. Фамилия, имя отчество Зорунтин Михаил Викентьевич
2. Звание Ефрейтор 4-й 3. Должность, часть Командир основного взвода 8-го Отдельного Ефрейторского Микометного дивизиона
4. Год рождения 1913 5. Национальность Еврей 6. Партийность Член ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР (где, когда) не участвовал
8. Имел ли ранения и контузии в Отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 1941 10. Каким РВК призван 1-й Т.К. М.А.У.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг.

Находясь в 8-м Отд. с марта м-ца 1942 проявил себя требовательным и дисциплинированным командиром. Беспрекословно выполняя самые трудные поручения - всегда выполнял их не считаясь с трудностью и опасностью для жизни. Будучи командиром основного взвода он воспитал его личный состав в духе преданности Родине и военной дисциплине своей ефрейторской Сталинской гвардии.

13.1.43г. враг сопротивлялся в д. Свобода, которую необходимо было захватить. Необходимо было дать залп по этой деревне. Местность была открытая и неблагоприятная. Не смотря на это он вывел установки на открытую основную позицию под арт. минометными осечками, навел их в цель и дал залп. После залпа деревня была занята нашими частями. В своей боевой практике таких случаев имеет несколько. Достоин звания Героя Советского Союза и ордена «За боевые заслуги».

Командир 8-го Отд.

1-й

С. С. Костенко

Савин
Омичев

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ БОРНИЧЕВСКОГО ФРОНТА

СВЕТЛО
№ 2

"8" апреля 1943 г. в 060/н Десовуздан армии.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

ПО ГВАРДЕЙСКИМ МИНОМЕТНОЙ ЧАСТИ

ОТДЕЛЬНОГО МИНОМЕТНОГО ПОЛКА

1 Гвардии капитана КОСТИНЮ Сергея Сергеевича Командира отдельного минометного дивизиона 89 гвардейского минометного полка

2 Гвардии старшего сержанта СЮБИНСКОГО Дмитрия Федоровича Командира орудия 97 гвардейского минометного полка

ОТДЕЛЬНОГО МИНОМЕТНОГО ПОЛКА

3 Гвардии капитана АЛЕКСА Николая Гамедовича Секретаря партийной комиссии 97 гвардейского минометного полка

4 Гвардии старшего лейтенанта ОЧАРОВА Георгия Ивановича Заместителя командира батареи по политической части 3 гвардейского отдельного минометного дивизиона

5 Капитана ЮРЬИНА Александра Николаевича Помощника начальника штаба 20 тяжелой гвардейской минометной бригады

6 Гвардии сержанта КОМАРИЦИНА Андрея Ивановича Командира орудия 315 гвардейского минометного полка

7 Гвардии старшего сержанта ПТУШЕВА Николая Владимировича Командира орудия 339 гвардейского минометного дивизиона 97 гвардейского минометного полка

8 Гвардии младшего сержанта ПЕСТАНОВА Кирилла Петровича

Тракториста в отдельного гвардейского минометного дивизиона

МЕДАЛЬ "ЗА ОТВАГУ"

1 Гвардии старшину ПУРЦЕВА Николая Дмитриевича

Санитарного инструктора в отдельного гвардейского минометного дивизиона

2 Гвардии красноармейца ГИСЕВА Сергея Александровича

Помощника навиганта в отдельного гвардейского минометного дивизиона

3 Гвардии лейтенанта КУЗЬНИКОВУ Николаевича

Командира огневого взвода 330 отдельного гвардейского минометного дивизиона 97 гвардейского минометного полка

4 Гвардии младшего сержанта КОБРОВА Бориса Петровича

Командира орудия в отдельного минометного гвардейского дивизиона

5 Гвардии красноармейца КОБОВА Федора Яковлевича

Тракториста в отдельного гвардейского минометного дивизиона

6 Гвардии лейтенанта ПОПОВА Олега Сергеевича

Заместителя командира батареи в отдельного гвардейского минометного дивизиона

МЕДАЛЬ "ЗА БОЮЮ ЗАСЛУГУ"

1 Гвардии лейтенанта ГОМТЕВНА Михаила Александровича

Командира огневого взвода в отдельного гвардейского минометного дивизиона

2 Гвардии старшего сержанта ЗАБЫЛОВА Петра Ивановича

Командира орудия в отдельного гвардейского минометного дивизиона

3 Гвардии красноармейца КУЗЬНИНА Григория Ивановича

Подсера в отдельного гвардейского минометного дивизиона

